

Брет Гарт

Млисс

Перевод с английского
Нины Дарузес

ФТМ

Фрэнсис Брет Гарт

Млисс

«ФТМ»

Брет Гарт Ф.

Млисс / Ф. Брет Гарт — «ФТМ»,

«Как раз в том месте, где Сьерра-Невада переходит в волнистые предгорья и реки становятся не такими быстрыми и мутными, на склоне высокой Красной горы расположился Смитов Карман. Если на закате солнца смотреть на поселок с ведущей к нему красной дороги, то в красных лучах и в красной пыли его белые домики кажутся гнездами кварца, вкрапленными в гору. Красный дилижанс с пассажирами в красных рубашках много раз пропадает из виду на извилистом спуске, неожиданно появляется вновь и совершенно исчезает из глаз в сотне шагов от поселка...»

© Брет Гарт Ф.

© ФТМ

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Брет Гарт Млисс

Глава 1

Как раз в том месте, где Сьерра-Невада переходит в волнистые предгорья и реки становятся не такими быстрыми и мутными, на склоне высокой Красной горы расположился Смитов Карман. Если на закате солнца смотреть на поселок с ведущей к нему красной дороги, то в красных лучах и в красной пыли его белые домики кажутся гнездами кварца, вкрапленными в гору. Красный дилижанс с пассажирами в красных рубашках много раз пропадает из виду на извилистом спуске, неожиданно появляется вновь и совершенно исчезает из глаз в сотне шагов от поселка. Вероятно, благодаря этим неожиданным поворотам дороги прибытие нового лица в Смитов Карман обычно сопровождается странным обстоятельством. Выйдя из дилижанса на станции, самонадеянный путешественник непременно направится в сторону от поселка, в полной уверенности, что идет куда следует. Рассказывают, что какой-то старатель встретил одного из таких самонадеянных пассажиров в двух милях от поселка, с ковровым саквояжем, зонтиком, журналом «Харперс» и прочими атрибутами «цивилизации и культуры», в безуспешных поисках Смитова Кармана шествующего в обратную сторону по той самой дороге, по которой он только что приехал.

Если путешественник наблюдателен, своеобразие пейзажа до некоторой степени вознаграждает его. Глубокие расселины в склоне горы и оползни красной глины больше напоминают первобытный хаос, чем результаты человеческих трудов; на половине спуска длинный и узкий желоб растопыривает свои уродливые лапы над пропастью, словно гигантский скелет допотопного ископаемого. На каждом шагу дорогу пересекают канавы поуже, таящие в своих желтых глубинах мутные ручьи, которые спешат тайно соединиться с желтой рекой внизу; кое-где виднеются разрушенные хижины с торчащей трубой и очагом, открытым ветру.

Своим происхождением Смитов Карман обязан некоему Смиту, обнаружившему «карман» на том месте, где стоит теперь поселок. Пять тысяч долларов были выбраны из него Смитом в первые полчаса. Три тысячи долларов были истрачены Смитом и другими на сооружение желоба для промывки золота и на рытье шурфов. А потом оказалось, что участок Смита – просто карман, который легко опустошить, как и другие карманы. Хотя Смит дорылся до самых недр Красной горы, эти пять тысяч были первой и последней наградой за его труды. Гора не выдала своей золотой тайны, а желоб спустил в реку последние деньжонки Смита. Смит занялся разработкой кварцевых жил, затем дроблением кварца, затем установкой грохотов и рытьем канав, а там легко докатился и до содержания салуна. Скоро стали поговаривать, что Смит сильно пьет, потом стало известно, что он горький пьяница, потом люди, как водится, начали думать, что он сроду был такой. К счастью, поселок Смитов Карман, как и большинство таких поселков, не зависел от судьбы своего основателя, и теперь не он, а другие закладывали шурфы и находили карманы. И вот Смитов Карман превратился в городок с двумя галантерейными лавками, двумя гостиницами, конторой дилижансов и двумя первыми в поселке семьями. Время от времени единственная улица поселка, непомерно растянувшаяся в длину, благоговейно созерцала последние моды Сан-Франциско, выписанные с нарочным исключительно для двух первых в поселке семейств. Тогда поруганная природа выглядела еще более неказистой; и большинство населения, которому день субботний напоминал не о нарядах, а только о необходимости помыться и переменить белье, видело в этом франтовстве личное оскорбление. Была в поселке и методистская церковь, а рядом с нею – банк, немного дальше, на склоне горы, – кладбище; а за ним – маленькая школа.

Однажды вечером «учитель» – под этим именем его знала маленькая паства – сидел в школе, разложив перед собой открытые тетради, и старательно выводил в них крупными и твердыми буквами те прописи, в которых, как принято думать, высокое искусство чистописания сочетается с высокой назидательностью. Он уже дошел до изречения «Не все то золото, что блестит» и украшал существительное лицемерным завитком, вполне соответствовавшим характеру этой прописи, когда послышался легкий стук. На крыше целый день возились дятлы, и их стук не мешал ему работать. Но когда дверь отворилась и стук послышался уже в комнате, учитель поднял глаза. Он немного удивился, увидев перед собой девочку-подростка, неряшливо и бедно одетую. Однако большие черные глаза, жесткие и растрепанные черные без блеска волосы, падавшие на загорелое лицо, красные руки и ноги, измазанные красной глиной, были ему знакомы. Это была Мелисса Смит, выросшая без матери дочка Смита.

«Что ей здесь понадобилось?» – подумал учитель. Все знали «Млисс» – под этим именем она была известна в поселках Красной горы. Все знали, что она неисправима. Ее дикий, неукротимый нрав, сумасбродные выходки, непокорный характер вошли в поговорку так же, как и слабости ее отца, и население поселка относилось к ним не менее философски. Она ссорилась и дралась со школьниками, не уступая им в силе и превосходя их язвительностью. Она карабкалась по горным тропам с ловкостью настоящего горца, и учитель не раз встречал ее в горах, за много миль от поселка, босую, с непокрытой головой. Золотоискатели в своих лагерьях кормили ее во время этих добровольных скитаний, щедро подавая милостыню. Впрочем, когда-то ей была оказана и более существенная помощь. Преподобный Джошуа Мак-Снэгли, «штатный» проповедник поселка, устроил ее служанкой в гостиницу, надеясь, что там она научится прилично вести себя, и принял ее в воскресную школу. Но она швыряла в хозяина тарелками, отвечала дерзостями на дешевые остроты гостей, а в воскресной школе произвела сенсацию, настолько несовместимую с благочестивой и мирной скукой этого учреждения, что почтенный проповедник, оберегая накрахмаленные платица и совершенную непорочность двух бело-розовых девочек из первых семейств, с позором изгнал ее оттуда. Такова была история и таков был характер девочки, стоявшей перед учителем. Этот характер угадывался по рваному платью, нечесаным волосам, расцарапанным в кровь ногам и вызывал жалость. Он сверкал в ее черных бесстрашных глазах и требовал к себе уважения.

– Я пришла сюда, – сказала она быстро и смело, устремив твердый взгляд на учителя, – потому что знала, что вы один. Если б эти девчонки были здесь, я бы не пришла. Я их ненавижу, и они меня тоже. Вот что! Вы учите в школе, да? Ну, так я хочу учиться!

Если бы к жалкой одежде и неприглядности спутанных волос и грязного лица прибавились еще смиренные слезы, учитель почувствовал бы только ни к чему не обязывающее сожаление – и ничего больше. Но тут вполне естественно, хоть и не совсем последовательно, ее смелость пробудила в нем то уважение, которое все незаурядные натуры невольно чувствуют друг к другу, на какой бы ступени общественной лестницы они ни стояли. Он внимательно смотрел на нее, а она торопилась высказать все, что нужно, держась за ручку двери и не сводя с учителя глаз:

– Меня зовут Млисс, Млисс Смит! Провалиться мне, если вру! Мой отец – старик Смит, лодырь Смит, вот в чем дело. Я Млисс Смит, и я буду ходить в школу!

– Ну так что же? – сказал учитель.

Млисс привыкла к тому, что ей всегда мешали и перечили, нередко беспричинно и жестоко, только для того, чтобы просто подразнить, и потому растерялась, видя невозмутимость учителя. Она запнулась, начала крутить в пальцах прядку волос, и жесткая линия верхней губы, закрывавшей острые зубки, смягчилась и слегка дрогнула. Потом глаза ее опустились, и что-то вроде румянца проступило на щеках сквозь многолетний загар и брызги красной глины. Вдруг девочка подбежала к столу и, припав к нему головой, зарыдала так, словно сердце у нее разрывалось, горестно причитая и моля бога поразить ее смертью.

Учитель тихонько приподнял ее за плечи и стал ждать, пока она успокоится. Отвернувшись в сторону и рыдая, она повторяла в приступе детского раскаяния, что она исправится, что она не нарочно и т. д., – и тут ему пришло в голову спросить, почему она бросила воскресную школу.

Почему она бросила воскресную школу? Почему? Ах, вот как! А зачем он (Мак-Снэгли) сказал, что Млисс плохая? А зачем он говорил, что бог ее не любит? Если бог ее не любит, нечего ей делать в воскресной школе. Она не желает ходить туда, где ее не любят.

– Ты так и сказала Мак-Снэгли?

– Да, так и сказала.

Учитель засмеялся. Смех был искренний, он прозвучал так странно в маленькой школе и так не вязался с шумом сосен за окном, что учитель сейчас же спохватился и вздохнул. Однако и вздох был тоже искренний; помолчав минуту, он спросил ее об отце.

Отец? Какой отец? Чей отец? Что он для нее сделал? За что девочки ее ненавидят? Подите вы, пожалуйста! Отчего же люди говорят, когда она проходит мимо: «Дочка старого лодыря Смита»? Да, да! Уж лучше бы он помер, да и она тоже, да хоть бы и все подошли, – и рыдания разразились с новой силой.

Тогда учитель, наклонившись к девочке, стал говорить, как только мог убедительнее, то, что могли бы сказать и мы с вами, услышав от ребенка такие неподходящие речи; он лучше нас с вами знал, как не идет девочке рваное платье, исцарапанные ноги и как омрачает ее жизнь тень вечно пьяного отца. Потом он помог ей встать, закутал в свой плед и, сказав, чтобы она приходила пораньше утром, проводил ее по дороге. Там он попрощался с ней. Луна ярко освещала узкую тропинку. Он долго стоял и следил, как съезжившаяся маленькая фигурка, спотыкаясь, бредет по дороге, дождался, пока она миновала кладбище и поднялась на гребень холма, где обернулась и постояла минутку, – пылинки человеческого горя в сиянии далеких терпеливых звезд. Потом он вернулся и снова сел за работу. Но линейки в тетрадах казались ему теперь длинными параллелями бесконечных тропинок, по которым, всхлипывая и плача, уходили в темноту детские фигурки. Школа казалась теперь еще неприятнее, и он запер дверь и ушел домой.

Наутро Млисс пришла в школу. Ее лицо было вымыто, а жесткие черные волосы носили следы недавней борьбы с гребнем, в которой пострадали, очевидно, обе стороны. Иногда ее глаза сверкали по-старому задорно, но держалась она более смирно и послушно. Начались взаимные испытания и уступки со стороны учителя и со стороны ученицы, и взаимное доверие и симпатия между ними крепились и росли. При учителе Млисс сидела смирно, зато на переменах она приходила в необузданную ярость из-за какой-нибудь воображаемой обиды, и не один юный дикарь в разорванной куртке и с царапинами на щеках, найдя в ней равного по силе противника, весь в слезах разыскивал учителя и жаловался на «эту противную Млисс». Жители поселка резко расходились во мнениях по этому поводу; одни грозили, что возьмут своих детей из такого дурного общества, другие столь же горячо поддерживали учителя, взявшего на себя задачу перевоспитания Млисс. А учитель с упорной настойчивостью, впоследствии удивлявшей его самого, вытягивал Млисс из мрака ее прошлой жизни, и она как будто сама, без чужой помощи, двигалась вперед по узкой тропе, на которую он вывел ее в ту лунную ночь. Помня опыт фанатика Мак-Снэгли, учитель старательно избегал того подводного камня, о который этот малоопытный лоцман разбил ладью ее робкой веры. Но если при чтении ей попадались те немногие слова, которые поставили младенцев выше взрослых людей, более опытных и благоразумных, если она узнала что-нибудь о вере, символ которой – страдание, и задорный огонек в ее глазах смягчился, то это был уже не урок. Несколько простых людей собрали небольшие деньги, чтобы оборванная Млисс могла одеться согласно требованиям приличия и цивилизации, и нередко крепкое рукопожатие и бесхитростные слова одобрения со стороны

какой-нибудь коренастой фигуры в красной рубашке заставляли молодого учителя краснеть и думать, что похвала вряд ли заслужена им.

Прошло три месяца с тех пор, как они встретились впервые. Поздно вечером учитель сидел над назидательной прописью, когда в дверь постучали, и перед ним снова предстала Млисс. Она была опрятно одета и умыта, и только длинные черные косы да блестящие черные глаза напоминали учителю прежнюю Млисс.

– Вы заняты? – спросила она. – Можете пойти со мной? – И когда он изъявил полную готовность, она сказала по-прежнему своевольно: – Ну тогда идите скорее!

Они вместе вышли из школы на темную дорогу. Уже в городе учитель спросил, куда они идут.

– К отцу, – ответила Млисс.

В первый раз она назвала его как подобает дочери, а не «стариком Смитом» или просто «стариком». В первый раз за все эти три месяца она заговорила о нем, и учитель знал, что Млисс решительно отдалась от отца с тех пор, как в ее жизни произошел перелом. Понимая, что расспрашивать Млисс о цели их путешествия бесполезно, он покорно шел за нею. Вместе с нею он заходил в самые подозрительные притоны, в кабачки самого низкого пошиба, в закусочные, в бары, в игорные и танцевальные залы. Девочка стояла среди сизого дыма и громкой брани, тревожно оглядываясь и держа учителя за руку, и, по-видимому, ни о чем не думала, вся поглощенная своим поиском. Иногда гуляки, узнав Млисс, подзывали ее, чтобы она им спела и сплясала, и, верно, заставили бы ее выпить глоток-другой, если б не вмешательство учителя. Другие, узнав его, безмолвно расступались, давая дорогу. Так прошел час. Потом девочка шепнула учителю на ухо, что по ту сторону ручья, через который перекинут длинный желоб, стоит хижина и, может быть, ее отец там. Туда они и отправились. Нелегкий путь отнял полчаса, но поиски их были тщетны. Они уже возвращались домой вдоль канавы, тянувшейся мимо устоев желоба, глядя на огни поселка за ручьем, как вдруг в чистом ночном воздухе неожиданно и резко прозвучал выстрел. Эхо подхватило выстрел и понесло вокруг Красной горы, и, услышав его, собаки на приисках залаяли. На окраине поселка задвигались и заплясали огни, ручей зажурчал более внятно, два-три камня отделились от обрыва и с плеском упали в воду, порыв ветра всколыхнул вершины траурных сосен, – и после этого тишина словно сгустилась, стала еще глуше и еще мертвеннее. Учитель невольно обернулся к Млисс, словно для того, чтобы защитить ее, но девочка исчезла. Сердце у него сжалось от страха, он быстро сбежал по тропинке к ручью и, перепрыгивая с камня на камень, очутился у подножия Красной горы, где начинался поселок. На середине пути он взглянул вверх, и у негохватило дыхание: высоко над собой, на узком желобе, он заметил фигурку своей спутницы, перебегавшую по желобу в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.